

Зверское убийство Марии Добреньковой и Александра Панакова потрясло не только Москву, оно всколыхнуло всю Россию. Об этом случае много писала наша пресса и сообщало телевидение. Отец Маши, Владимир Иванович, получил сотни, если не тысячи писем, телеграмм и факсов от коллег, студентов, различных общественных и профессиональных коллективов, обычных граждан с выражением сочувствия и поддержки.

Все, абсолютно все разделяют точку зрения профессора Добренькова, что за подобные злодеяния – зверские убийства молодых, ни в чем не повинных, незащищенных студентов – преступники заслуживают только смертной казни. Даже пожизненное заключение, по их мнению, слишком гуманное наказание для таких извергов.

Особо среди всех выделяются письма скорби, – письма отцов и матерей, дети которых тоже стали жертвами уголовного беспредела, были так же зверски убиты. Сколько в этих письмах негодования по отношению к властям, которые не только не смогли защитить их детей от бандитов, но, что еще хуже, равнодушно отмахиваются от расследования дел или же не наказывают убийц вообще, а если и наказывают, то так мягко, что они быстро выходят из тюрем и начинают снова убивать. И в каждом письме крик души, вопль об отмщении, требования справедливого суда и суровой кары для убийц...

ПЛОДЫ «СВОБОДЫ» ПАМЯТИ МАРИИ ДОБРЕНЬКОВОЙ

Что сегодня случилось с Великой Россией?
Почему так стремительно гибнет Она?
Кто-то скажет: «Что ж делать, на все Божья Воля,
За грехи свои тяжкие осуждена».

Не согласна с такой легковесной оценкой.
Как заманчиво просто все на Бога списать!
Но всему есть сегодня большие причины,
И о ни надо громко и смело кричать!

Ошалела от мыслей о деньгах Россия:
Кто-то строит огромные особняки,
По ночам от «забот» в казино отдыхает,
На Канары, на Кипр так пути их легки.

Расплодились российские олигархи,
И богатства страны в их карманы ушли.
Бог их — прибыль, всевластие и нажива,
Не осталось ни совести, ни души.

А народ получил лишь химеру свободы,
Гложет брошенную «демократами» кость.
Безработицу, СПИД и наркоманию
Испытать россиянам теперь довелось.

Не дает покоя умам молодежи
Новой властью брошенный клич:
«Деньги, деньги рожают богатство, свободу!»
И свидетелем этому — каждый москвич.

«Иномарки» заполонили столицу,
И на них разъезжают «крутые» дельцы.
И легко идут на тяжкие преступления
Опьяненные кровью юнцы.

Одурев от бесчисленных диких фильмов,
Где в чести убийства, насилие, грязь,
Неокрепшие души за машины и деньги
На кого угодно готовы напасть.

И в год тридцать тысяч теряем
Убийцам пощады, прощения нет.
Любой, посягнувший на жизнь человека,
Должен полный нести ответ.

Не нужен обществу злостный убийца,
И мораторий на смертную казнь
Всем нам мешает. Он раздражает.
Негодование вызывает у нас.
И мы пожинаем плоды «свободы».
Как темны, беспросветны зловещие дни.

Свобода купить, свобода продать,
Свобода убить, свобода предать.
Свобода терпеть, свобода страдать,
Свобода молчать, свобода БЕЗДНЫ не замечать!

Маргарита Чеглакова

28 января 2002 года

4 января 2003 года в Москве был похищен, вывезен на окраину столицы и зверски замучен киллерами известный интернет-журналист и программист, выпускник и сотрудник факультета ВМиК МГУ им. М.В. Ломоносова, Владимир Владимирович Сухомлин, более известный в сетевом сообществе как «diver».

Владимир был разносторонним человеком, яркой, неординарной личностью, он легко сходилась с самыми разными людьми, заряжая их своим оптимизмом и энергией. Его интересовали информационные технологии и информационные войны, военная история и техника, политика и

ретроавтомобили и многое, многое другое. Его знали как активного участника отечественного военно-патриотического движения, автора проекта, одного из основателей и администраторов интернет-портала «Военно-исторический форум» (www.vif2.ru) — крупнейшего российского интернет-ресурса, посвященного армейской и военно-исторической тематике, самого представительного русскоязычного форума по военной истории, в котором он вел несколько тематических разделов. Вместе с тем Владимир был классным техническим специалистом, архитектором и разработчиком программных комплексов, профессионалом в области интернет-технологий и интернет-СМИ. Как сотрудник научной лаборатории МГУ им. М.В. Ломоносова, он вел исследования и разработки в области методов и технологий поддержки информационных операций (информационных войн).

Среди сетевых журналистов Владимир Сухомлин известен как первый программист-воин, который с 1998 года начал создавать ресурсы военно-политической направленности, а также соответствующие технологии для их поддержки.

В 1998 году, с началом югославских событий, им был создан портал serbia.ru, предназначенный для поддержки югославского народа в его борьбе против натовской агрессии. Владимир противодействовал пронатовской пропаганде не только посредством собственных информационных ресурсов, но и используя ресурсы многих других интернет-представительств. Для этого он обеспечил бесплатный «хостинг» ряду популярных сербских патриотических сайтов, включая сайты таких известных агентств, как TANYUG, а также некоторым сайтам антинатовской направленности американских журналистов, которые преследовались спецслужбами.

В период бомбардировок НАТО, когда выходили из строя системы энергообеспечения и сербские компьютеры не работали, пользователи всего мира находили нужную информацию на сервере Владимира в Москве, ставшем международным информационным центром противодействия натовской агрессии.

После нападения осенью 1999 года на Дагестан банд чеченских и международных террористов, многие из которых

были подготовлены на деньги и на базах Алькаиды Усамы бен Ладена, Владимир создал портал chechnya.ru, предназначенный для борьбы против западной и антироссийской пропаганды и предоставления правдивой информации о ситуации в Чечне.

Данный портал эффективно применялся более трех лет в противодействии СМИ, подконтрольных террористическим и экстремистским структурам. Владимир получал и угрозы, и предложения за большие деньги закрыть сайт, но он продолжал свою работу. Так государственные задачи решал по собственной инициативе и на свой страх и риск двадцатилетний студент, горячий патриот своей Родины.

Работа В.В. Сухомлина в сети и в интернет-журналистике получила признание и известность, заслужила высокую оценку в интернет-сообществе. Союз журналистов и Союз славянских журналистов наградили Владимира дипломами и памятными медалями (посмертно). Его коллеги и друзья продолжили начатую им серию военно-политических сайтов serbia.ru и chechnya.ru, осуществив запланированный Владимиром проект по созданию сайта irackwar.ru, который стал самым рейтинговым российским интернет-проектом в 2003 году.

Убийцами Владимира Сухомлина оказались действующие сотрудники милиции (участковый уполномоченный и сотрудник уголовного розыска Балашихинского горотдела милиции — Гончаров и Воротников), а также помогавший им сотрудник охрannого предприятия Мелихов. Милиционеры, используя служебное положение, организовали похищение В.В. Сухомлина, насильно посадили его в автомашину, вывезли на пустырь у дома № 2 по Нарофоминской улице, где втроем нанесли ему бейсбольной битой и ногами множественные удары по голове и телу. Результаты своей «работы» — окровавленное и изуродованное до неузнаваемости тело журналиста — были зафиксированы убийцами на фотографиях, которые впоследствии были переданы заказчикам. Убийцы получили от заказчиков за убийство Владимира Сухомлина 1150 долларов.

Это преступление поразило всех своей дикостью, жестокостью, безумием. Поразило и количеством нарушенных

одновременно законов (не говоря о моральных принципах). Особый трагизм ситуации заключается в том, что преступление совершено сотрудниками МВД — именно того органа, который в нашем государстве должен бороться с преступлениями. Таким образом, мы дошли до такой стадии сращивания коррумпированных государственных структур с криминалом, когда бандит для совершения преступления (убийства человека, который ему чем-то не понравился) обращается в милицию за криминальной услугой. Этот заказ принимается служащими порядка к исполнению и отрабатывается профессионально с использованием средств и прав, данных этой службе государством для борьбы с преступностью, при этом отрабатывается за весьма умеренную плату.

Трудно представить себе еще более страшное социальное зло, чем описанное выше варварское преступление, совершенное блюстителями порядка, которые убивают за деньги ни в чем не повинных людей, при этом проявляя звериную жестокость. Такие преступления являются фактами абсолютного беззакония, царящего в стране. Такие преступления убивают веру людей в справедливость, защищенность и вообще веру в государственность в стране.

Сразу же после этого преступления в одной из газет появилась статья о том, что, дескать, какие-то подонки затесались в нашу доблестную службу, а позор будут приписывать всей в целом-то здоровой системе. Действительно, в МВД сохранились еще честные высокопрофессиональные работники, которые работают за идею при мизерной заработной плате, при отсутствии необходимого технического оснащения (средств связи, автотранспорта, компьютерной техники), при подавляющей инициативу и принципы давлении организационной структуры. К сожалению, таких людей остается все меньше и меньше.

Преступление, связанное с убийством Владимира Сухомлина, это не просто досадная случайность, когда в органы милиции случайно попали отморозки. Надо сказать, что если бы система была здоровой, то такого не могло бы быть в принципе. На здоровом теле не может быть гнойников. Они сразу же обнаруживаются и убираются. И селекция, и подготовка кадров в здоровой системе решаются на уровне, прак-

тически исключаящем возможность пополнения ее такими негодьями.

По моим сведениям, только за последние два года 18 милиционеров из отделения милиции, где служили Гончаров и Воротников (кстати, сынки высокопоставленных офицеров из силовых ведомств), были осуждены за различные нарушения закона. Как выяснилось, Гончаров и Воротников отличались беспринципностью и жестокостью и ранее, но никто их не одернул, не говоря уже о проведении с ними воспитательной работы, которую должны были осуществлять начальник и замполит отделения. Разве могло такое твориться в системе МВД, если бы она была здоровой? Конечно, нет. Но в той системе, какая сложилась, где по существу нормой является то, что едва ли не каждый сотрудник кого-то «крышует», кому-то покровительствует, на что-то закрывает глаза, а то и открыто бандитствует, используя свое служебное положение, такое в порядке вещей.

Имеются и такие данные (где можно их объективно уточнить — не знаю), что только за последний год из-за криминальной ситуации в стране было убито порядка 32 тыс. человек, умерло от ран порядка 24 тыс. человек, пропавшими без вести числятся порядка 80 тыс. человек.

По существу, в стране развязана война против своего народа, и в том, какую роль играет в этой войне современная система МВД (как представитель власти), на чьей она стороне — на стороне народа или нет, остается все меньше и меньше сомнений.

Все мы являемся заложниками этой войны. Она может нагрянуть к нам или к нашим детям каждую минуту, причем линия фронта в ней проходит буквально через подъезд или даже порог нашего дома — через каждого из нас.

Почему власть не делает ничего, чтобы остановить этот беспредел? Выводы здесь только следующие:

или власть не может ничего сделать,

или власть не хочет ничего делать.

Немало вопросов следовало бы задать и господину министру внутренних дел. Например, владеет ли он ситуацией в своем ведомстве? Известно ли ему количество «убойных бригад», подобных гончаровской, в структуре МВД? Будут ли они

когда-либо ликвидированы или, может быть, они держатся в горячем резерве? Что делается реально в правовом и организационном плане для исключения преступлений, совершаемых сотрудниками органов? Как могут отбираться в органы люди со звериными нравами, ненавидящие всех, склонные к садистским поступкам? Почему не проводится селекция кадров с использованием современной психодиагностики? Почему отсутствует система нравственного воспитания сотрудников МВД, основанная на уважении к человеку, уважению к закону, которому должны служить эти люди? Почему не осуществляется результативный контроль за действиями милиции?

Я всегда был лоялен по отношению к власти. Старался заниматься только наукой и образовательной деятельностью, много лет работал и на оборону страны. Вырастил сына, редкого по таланту специалиста, воспитанного в семейных традициях истинного патриота своей страны, заботливого и любящего семьянина, помощника и продолжателя дела отца (В.А. Сухомлин, В.В. Сухомлин. Концепция нового образовательного направления. Открытые системы. 2003. № 2). Убит не только Владимир, убита молодая семья, убита возможность продолжить род семьи, давшей стране многих достойных людей, убиты надежды и вера его родителей, родственников и друзей в будущее. Наши сердца разрывает боль и отчаяние. Но надо жить дальше. Однако жить в криминальной стране и приспосабливаться к такой жизни я не хочу. Уезжать из страны тоже не хочу (достойные профессора МГУ предложения были всегда). Владимир говорил: «Это моя страна, и я никогда из нее не уеду».

Пока не поздно, надо действовать и действовать решительно, хотя я понимаю, что и на мою голову легко найдется убойная бригада и бейсбольная бита, только, может быть, для профессора и пули будет не жалко. <...>

Всем людям, которым не безразлично будущее своей страны, своих детей, собственная безопасность, необходимо осознать угрозу, нависшую над страной.

Светлый образ сына всегда будет со мной.

В.А. Сухомлин

Профессор МГУ

Убита дочь.
Ужасен мой удел.
На сердце ночь.
Но мир не поредел.

В семнадцать лет
Удавлена петлей.
Да, Сони нет.
Она взята землей.

Там теснота.
Переселен пустырь.
Мне слепота,
А где же поводырь?

Арсений Чанышев

12/13 июня 1998 г.

г. Талдом

На этот мир, такой цветастый,
Смотрю сквозь темные очки.
Они душе как будто пластырь.
Убить себя мне не с руки.

Но не смогу я видеть лица.
Мне этот мир невыносим.
Ах, сколько это может длиться?
Мы все над пропастью висим.

А где натянутая сетка,
Что может нас подстраховать?
Ах, Соня, Соня? Где ты, детка?
На что теперь мне уповать?

Арсений Чанышев

15 июля 1998 г.

г. Москва

НЕ ПОПРАВИТЬ, НЕ ВЕРНУТЬ, НЕ ИЗМЕНИТЬ

Кто схоронил своих детей, тот умирает дважды.

Когда читаешь на могильной плите свою фамилию и имя в отчестве сына, понимаешь, что ты уже на кладбище. Когда сознание возвращает к сути того, что твое продолжение жизни насильственно остановлено рукою твари в людском облике, место которой в аду, а не на Земле среди людей, понимаешь, что неожиданно, несправедливо, подло, жестоко, по факту разяще вдавлен форс-мажор в твою жизнь, навсегда, до конца дней.

Нормальный человек не пожелает другому оказаться на месте того, кто потерял ребенка, испытал самое страшное — пережить своих детей. Однако жестокая действительность российской жизни и меня подвергла этому страшному состоянию в числе огромного количества родителей, потерявших от насильственного преступного воздействия своих сыновей и дочерей в формально мирное время.

Каждый день, ежеминутно совершается жестокость одних — мерзавцев и подонков, по отношению к другим — любимым, единственным и неповторимым никогда.

Нас — потерпевших, пронзенных в сердце горечью утраты — миллионы.

Пройдя через это и оставаясь жить, ясно сознаешь, что ничто не сможет запугать тебя, потому что помнишь, что твой ребенок, твой сын умирал истекая кровью, которую пронзенное клинком малого ампутационного ножа в руке преступника изгоняло сердце, выбрасывая из дуги аорты под большим давлением наружу, на холодную землю, несколько минут орошая ее, и никакая медицинская помощь не могла уже сына спасти.

Он должен был жить, потому что был молод, полон надежд.

Он не понимал, умирая, «За что?». Не верил, что мгновения перехода от жизни к смерти происходят именно с ним. Он хотел жить и имел на это право, данное ему его любящими родителями 19 лет назад. Теперь наш Мишка — наша пожизненная скорбь невосполнимой утраты, с нами навсегда в на-

шем сознании, в памяти тех близких, друзей и знакомых, которые его знали и произносили в траурные дни ключевое слово, его характеризующее:

— Добрый.

Да, он был добр, наивен, доверчив, потому что такими были его родители, бабушки и дедушки, несмотря на то, что некоторые из них умерли раньше, чем он родился.

Он нес в себе гены для другого, нормального, справедливого общества. Однако эти качества не гарантируют жизнь в стране царящего беспредела, а даже наоборот, делают человека уязвимым перед злом и насилием, особенно молодого, только входящего в самостоятельную, взрослую жизнь.

Я, твой отец, говорю тебе, мой любимый сын, лежащий в сырой земле:

— Пока я жив, ты всегда со мной!

Говорю так, не веря в загробную жизнь и божью кару за зло тем, кто его творит на Земле.

* * *

В ту ночь, с пятницы на субботу, лег как всегда поздно. Назавтра была договоренность (единственный раз за все лето) — съездить в лес. Было желание набрать корзинку белых грибов на зиму. В 4.30 ночи раздался неожиданный звонок телефона, старший сын Дима сообщил:

— Пап, Мишу убили!

...?!

Мишка, мой сын, обыкновенный пацан, каких большинство, выросший в большом дворе, игравший в детстве в футбол с друзьями, подросший до того возраста, когда стало интересно слушать музыку, болеть за футбол, гулять вечерами с друзьями, ходить на дискотеку, в меру хохмить. Он никогда не был болтуном, обидчиком, завистником, задирой, жалобщиком.

В основном молчаливый, как бы наблюдающий жизнь, бесконфликтный. Был он своим, надежным парнем в среде друзей и очень любим близкими. Лет в 14 заболел — сначала гепатитом В, потом болезнь перешла в стадию гепатита С. Так сложилось, что у меня была уже другая семья, но все отношения сохранялись.

Мишка приходил к моей дочери и ко мне, мы общались. Его болезнь очень меня волновала, поэтому в 2002 году, когда ему шел 19-й год, мы поехали в Новосибирск на лечение методом глубокой искусственной гипертермии. На лечении он прошел три волнительные процедуры нагревания организма до максимально высоких, предельных для жизни температур: 43,0; 43,6; 43,3 градусов Цельсия.

Была надежда на то, что это лечение поможет избавиться от хронического гепатита С. В силу некоторых причин по субъективным обстоятельствам болезнь оставалась, и тогда я решил для себя, что, если вдруг случится самое страшное — цирроз печени, я отдам Мише половину своей печени для регенерации здорового органа. На этом и успокоился. Говорю о болезни к тому, что она несла серьезные ограничения на питание, физическую активность, здоровье в целом, положение в семье и обществе.

* * *

Когда ночью я впервые приехал на место убийства моего сына, то увидел два больших кровавых пятна, свидетельствовавших о большой кровопотере. Одно пятно было на отдельном куске бордюрного камня рядом с проезжей частью улицы с оживленным движением, другое — в метре рядом, на земле. Еще в 100 метрах находилось колесо обозрения, а метрах в 50 — остановка общественного транспорта.

От места гибели до места проживания расстояние составляло метров 1200—1400.

Убит он был в городском парке культуры и отдыха, расположенном на территории лесопарковой зоны, между двумя городскими районами. С этим парком у жителей нашего миллионного города связано множество событий негативного характера. В лесопарк мы ходили, будучи еще сами пацанами: кататься на лыжах, играть в футбол, отдыхать. Во все времена там всегда что-либо происходило: раздевали, грабили, насиловали, убивали.

Когда-то чуть меньше, когда чуть больше преступных случаев, но суть не менялась. Власти как не могли там организовать порядок, так и не могут до сих пор. Только времена

изменились, стали до беспредела жестокими. Сейчас, очевидно, исчезло понятие «хулиганство», которое было распространено в период моего детства. Сейчас происходит убийственный беспредел, изощренные нападения с целью жестоко покалечить либо убить. Моего сына убили в 800 метрах от районного ОВД, который находится рядом с территорией Парка культуры и отдыха. Этот отдел находится по пути моего сына от парка к дому.

Днем в этот «парк» приходили родители со своими маленькими детьми: погулять, покатать на каруселях. Вечерами играла музыка, работали кафе, веселилась молодежь. Формально все чинно; на деле, как показало дальнейшее, — клоака на теле города.

* * *

Трагедия с моим сыном произошла в летнюю ночь с пятницы на субботу 30 августа 2003 года. Конечно, слезы накатывали вновь и вновь с некоторой возникающей и затухающей периодичностью, состояние непоправимого ужаса сопровождало каждое движение и мысли. Именно в эти дни я понял, что никогда ранее не испытывал столь сильного душевного стресса, в таких формах проявлений, несмотря на то, что были похороны отца, когда мне было всего 25 лет, двоюродной любимой сестры, жившей на Украине и умершей в сентябре 1986 года по причине воздействия аварийного выброса в атмосферу на Чернобыльской АЭС, смерть мамы в 1996 году...

В присутствии людей проявления страданий сдерживались, приглушались усилием.

Когда же оставался один — то натурально выл. Понимал, что если бы не природой заложенная в людей цикличность восприятия крайней беды, я или любой другой на моем месте «схватил» бы инфаркт либо потерял сознание.

* * *

...Я поехал в морг, так как тянуло в эти часы хоть как-то, но приблизиться, быть рядом с сыном. Больно было сознавать, что один, мертвый, он лежит там на каком-то по-

видавшем виды столе или в холодильнике. Это чувство всеобщей покинутости насильственно убиенного, родного, любимого сына воспринималось очень тяжело.

* * *

В следующую ночь после убийства, примерно около часу, я проезжал мимо места трагедии, так как оно влекло, притягивало меня к себе постоянно. Увидел то, что не видел никогда ранее, хотя прожил 50 лет. На месте гибели моего сына, на земле, где он умирал истекая кровью, лежали цветы. Над ними, сгруппировавшись в круг, обнявшись за плечи, стояли склонившись молодые ребята и девушки, человек 35. В 5—6 метрах от них стояли несколько милиционеров — молча наблюдали, не вмешиваясь.

Молодые люди, хором отчаяния из недр души, с ударением на втором слоге имени моего сына протяжно рыдали в ночь, взывая :

«Ми-ша-а-а-а-а!», «Ми-ша-а-а-а-а!», « Ми-ша-а-а-а!»...

... У него было много друзей. Это был акт отчаяния молодых людей и за него и за себя.

В этом парке они гуляли и росли, это была их общественная территория и, как показало дальнейшее общение с ними, место, где они абсолютно не были защищены властью предержащими и государство представляющими «слугами народа».

И все же они приходили в парк, где играла музыка, было веселье, общение, развлечения, и вместе с тем ограбления, избиения и иные формы насилия — в кустах, среди деревьев лесопарка, куда по одному, они это знали, выходить не стоило. А что, у них был какой-то выбор для досуга ? Я вспомнил себя в их возрасте, наш досуг и ничего неординарного в проведении ими своего личного времени не нашел. Единственно, что важно: я жил в одной стране, они живут — уже в другой.

* * *

Ночь, проведенная сыном в квартире, где он жил и рос — это последний его (теперь уже вечный) сон в окружении родных и близких, последние минуты тишины на поверхности земли перед уходом навсегда в темноту и холод. По-

следняя возможность для нас: сквозь слезы смотреть на его лицо, гладить волосы, прикоснуться к охладевшему телу, смотреть и абсурдно надеяться, что вот-вот, и он должен снова задышать, не веря до конца в то, что произошло непоправимое, прижимать руку к пронзенному сердцу, в которое не-людь с медицинским образованием всадил орудие убийства — малый ампутационный военно-полевой хирургический нож, точно, сознавая куда, попав в самую крупную артерию человеческого организма — дугу аорты, которая, принимая сердечный выброс затухающего сердца, выталкивала кровь моего сына наружу в течение 10–15 минут.

Он умирал на руках нет, не непосредственно убийцы, которого мы вычислили при нулевой степени заслуг в этом правоохранных органов в лице прокуратуры и оперативников угрозыска. Он умер на руках одного из двух мерзавцев, из-за которых трагедия и произошла. Пройдет не так много времени до того момента, когда будет точно установлено — кто и как его подставил — толкнул ли на нож, закрылся ли им вместо живого щита или третий — убийца — зарезал невинного в качестве устрашения.

Очень скоро все выстроится и прояснится, так как пойманный убийца, стараясь скостить срок наказания, будет пытаться выгораживать себя, а двое других, которые пока еще успешно разыгрывают из себя случайных свидетелей, предстанут в качестве зачинщиков — участников и получат сроки за попытку грабежа с разбойным нападением.

Эти трое: **двое грабителей плюс убийца знают всю правду о том, как погиб Мишка.**

* * *

Читая заключение судмедэкспертизы, касающееся характера и причин смерти моего сына, я осознал всю степень надругательства над телом и организмом своего дитя: сначала убийцей, потом, в силу «процедурной, производственной необходимости» — медэкспертами.

Кто этот ужас испытывал, кто прочитывал заключения судмедэкспертов в связи с гибелью родных или близких, тому описываемое мною состояние понятно и известно.

В судебно-медицинском заключении последовательно описывалось: как разрезали тело, вскрывали сердце, органы, снимали скальп, распиливали череп, в каком они состоянии, что они «упругие и эластичные», что «сформированы правильно». Я читал все это про сына, понимая, что мы — родители — имели молодого, здорового, растущего сына, который должен был жить долго, создать семью, родить своих детей, радоваться жизни, продолжать нас на этом свете ...

Из заключения стало ясно, что после физической смерти от четырех полученных ножевых ранений, при твердом стереотипе о существовании души, которая витает рядом с телом и находится с нами, близкими, в течение 40 дней, наш умерший сын был подвергнут мощнейшей телесной экзекуции в присутствии своей души.

Где-то на подсознании, хотелось бы верить в утверждение одного австрийского философа о том, что душа витает в мирах и столетиях и как только находит подходящее ей телесное воплощение нарождающегося человека, вселяется в него для следующего витка своего развития. Однако **ничто не заменит сына!** Понятно было, что в итоге все исследуемые органы были собраны в кучу, сложены внутрь, а тело грубо зашито. Такое осознание мною, имеющим достаточно широкий жизненный кругозор, произошло впервые. Только теперь, из заключения экспертизы, я узнал, что, оказывается, для исследования характера траектории направленности орудия убийства, причинившего проникающие колото-резаные ранения, с моего сына в местах ран срезаны кусочки кожи...

Нет, неспроста все это время возникала мысль о том, как мне жалко моего безвременно ушедшего сына, если даже сейчас, набирая этот текст на компьютере, я вижу клавиатуру сквозь накатившие слезы. **ЭТО на всю оставшуюся жизнь.**

* * *

Я призываю бросить вызов этому двуличному, виртуальному обществу, двойной морали. Самый лучший наш след на Земле — это наши дети. Когда их у нас убивают, значит, втоптывают наш след в землю. Объединяться ради того, чтобы

вновь, повторно, не испытать горя утраты, когда родитель, не желая того, вынужден пережить своего ребенка. Нет альтернатив, кроме одной: чтобы что-то изменить, нужно **идти во власть**. Невозможно допроситься у власти! Ее можно менять, если находишься в ней. Только тогда получаешь какое-то количество прав и можешь требовать изменений. Нас, потерпевших и переживших детей, — многие миллионы, целое государство. Наше объединение невозможно не заметить. Войдя во власть через испытание невосполнимой никогда потери своих родных детей, через их насильственную смерть, мы заставим себя уважать, нас невозможно будет проигнорировать, мы сможем изменять жизнь к лучшему быстрее и эффективнее.

От смерти к дальнейшей жизни — такова наша участь.

* * *

Каждый, кому дороги близкие, кто испытал ужас потери родных и любимых людей, должны быть вместе, в одном движении.

У нас лишь четыре года, чтобы перерасти в сильную, ненадуманную, сплоченную партию, движимую понятными любому человеку причинами в структуры власти.

Эти причины интернациональны по своему характеру, так как и в других странах люди насильственно погибают. Однако ни в одной стране мира не уничтожалось насильственно столько невинных людей, сколько на протяжении столетий, при разных формациях и правительствах, уничтожается в России.

Отец своего сына

г. Пермь

Здравствуйте, уважаемый человек, Владимир Добреньков! Примите мое искреннее сочувствие в Вашем горе. Поверьте, это не просто сочувствие, это крик души простой рус-

ской женщины из провинции, матери, отчаявшейся в своем горе. Вы потеряли дочь, я потеряла своего единственного сына. У меня больше никого нет. Из прессы и телевидения я узнала о Вашем горе, это побудило меня написать Вам.

Моего единственного сына зверски убили 22 октября 2001 года, вернее, как и в Вашем случае, сначала избили — в голову чем-то твердым, потом зарезали в нашем автомобиле. Убийца, молодой человек 25 лет от роду, четыре раза судимый, приехал из Владимира, скрываясь после очередного преступления. Ему понадобилась автомашина, он зарезал моего сына, выбросил его, смыл кровь, набрал друзей и спокойно поехал на рыбалку веселиться, объяснив друзьям, что он «замочил мента, кажется». Семь дней мы искали сына, и только после ареста убийца показал, где лежало тело моего сына. Хоронили на девятый день после смерти. Мой сын был порядочным человеком, какому-то выродку нужно было развлечься, и он лишает жизни человека. Автомобиль, естественно (у нас старенькие «Жигули» 1-й модели), разобрали, думаю, что друзья убийцы, но органы правопорядка никого не нашли. Как все это пережить? По прямой линии удалось дозвониться и задать вопрос, почему по существующему законодательству четырежды судимый будет жить, кому и зачем берегут жизни, таким, как «наш» убийца? Кому и зачем нужны в стране такие отморозки? Я инвалид 2-й группы, нищая в нищей стране. Сына хоронили, можно сказать, всем городом вскладчину, здесь все знают друг друга, мое горе было понятно всем. Ответа на мои вопросы я, естественно, не получила, кому мы нужны в этой стране, законопослушные граждане?

Я знаю, Вы очень уважаемый человек, у Вас другая жизнь, другое окружение, но у нас с Вами одно горе, которое невозможно забыть, мы с Вами лишились того, ради чего жили на этой земле. Лично у меня такое ощущение, что вместе с сыном убита и я, я не знаю, ради чего жить дальше, кому нужна моя жизнь, сын не был женат, и у меня не осталось никого. 15 февраля суд над убийцей моего сына. Как пережить этот день, сидеть и смотреть на того, кто лишил жизни мое единственное дитя? По какому праву он лишил жизни его и

будет жить сам? А я бессильна что-либо сделать. Бессильна, понимаете? Он отсидит какие-то жалкие 12, в лучшем случае 15 лет, выйдет и будет убивать, он еще молодой, а желаний у него будет много.

А я больше не могу мириться с тем, что происходит, не могу видеть слезы таких же, как и мы, родителей, потерявших своих детей, а ведь это кругом происходит, света на улицах нет — не положено, убытки чьи-то, выйти нельзя, работы у людей нет, а есть хочется, одеться, да пошикарнее — тоже, а где денег взять? Убивать, грабить, брать чужое. Дожили. Могу ли я вместе с Вами что-то сделать? Это было бы мне в утешение. Давайте все вместе бороться с тем злом, что пришло в нашу страну, в дом, ворвалось в нашу жизнь и лишило нас родительского счастья. Как дальше жить, улыбаться, кушать, куда-то ходить, когда перед глазами стоит лишенное жизни дитя? Наша кровинка, ушедшая в могилу без времени и без вины. Не знаю, как Вы, но я приду на могилку к своему сыну и сквозь землю вижу его в гробу, я не могу идти домой, зная, что он остается там, а мне надо уходить. Уходить, а куда и зачем?

Мы с Вами никогда не увидим больше их, и никогда они не встретят нас, не обнимут, нет, я не хочу и не могу больше так жить. Ведь эти выродки общества, порожденные существующим порядком в стране, не останавливаются ни перед бедным, ни перед богатым, а потому такая жизнь не может быть в радость ни тому, кто что-то имеет в жизни, ни тому, кто имеет мало. Ведь уходят из жизни ни в чем не повинные люди. До сих пор не знаю, почему не поседел мой покойный сын, перенесся те издевательства перед смертью, что принес ему убийца. И это только то, что мы знаем со слов убийцы, ведь свидетелей нет, есть только то, в чем признался он сам. А мы все сидим и спокойно принимаем то, что дают нам думцы, Президент и Правительство. Мы ведь для них никто, так получается? Я очень жду ответ.

Галина Сергеевна Савенкова

Курская область, г. Щигры

Здравствуйте, уважаемый товарищ Добреньков! Знаете, долго решался написать Вам это письмо, да как-то не хватало смелости. Я видел Вас в передаче «Независимое расследование». Я увидел Ваше лицо, Ваши глаза и понял, что я могу поделиться с Вами своей болью, своим горем. В селе времени всегда не хватает. Пишу в кочегарке местной больницы. Есть возможность успокоиться, поразмыслить.

Работаю кочегаром, рабочим по двору. Год назад работал еще в колхозе слесарем на ферме. Да и что толку? На трех работах получаю меньше прожиточного минимума. Живем за счет подворья и тем, что удастся стащить в колхозе. Лет 10 назад я даже и подумать не мог. А сейчас это единственный способ на селе, чтобы выжить в этом беспределе. Простите, передачу видел мельком. Даже не запомнил Ваше имя и отчество. Хотя знаю Вашу историю, знаю, что Ваше письмо было опубликовано во многих газетах. К сожалению, денег хватает только на местную газету. Прошли те времена, когда я выписывал до 10 печатных изданий.

Извините за почерк и ошибки. Пишу сразу набело, и нет возможности что-то подправить. И простите, что потревожил Вас. Мне 53 года. 33 года я, наверное, живу другой жизнью, или в другом измерении. Когда мне было 20 лет, несовершеннолетний подонок зарезал мою любимую. Через два месяца она должна была родить. У нас был бы сынок. Потом на суде я видел этого выродка. Он знал, что расстрела ему не будет. Вел себя нагло и вызывающе. Ему дали 10 лет, я бы смеялся. И когда конвой повел его, я вырубил эту мразь в зале суда. Сломал ему челюсть. Меня к ответственности не привлекали, действовал, мол, в состоянии аффекта и т.д. Лет через 10 я женился. Просто так. Надо было заводить семью. У меня двое детей: сын и дочь. Дочь учится на филологическом факультете в пединституте. Все эти годы не было ни одного дня, ни одной ночи, чтобы я не разговаривал с Ниной и Сашей (так мы хотели назвать нашего малыша). Даже в те более нравственные времена трудно было найти такую удивительную женщину, с которой легко, которая тебя понимала, была частицей тебя. И которая была не просто любимой и женой, но и настоящим другом.

Жизнь здорово потрепала меня. Работал на стройке в Сибири, в глухом таежном поселке. Потом у дочери появились признаки лейкемии и врачи посоветовали сменить климат. Нам повезло, что застали еще те времена, когда медицина была бесплатной, и нашу девочку врачи вытащили буквально с того света. Сейчас мой сосед с таким же диагнозом у своей дочери продал все свое хозяйство, да еще в долги влез. Из Сибири переехали к теще в г. Вышний Волочек Тверской области. Здесь как раз пошел передел собственности, бандитизм, безработица. Выкручивались как могли.

В начале декабря 1994 года друг, я и свояк погнали в Чечню два «КАМаза» (лес, стекло). Тут началась заварушка. Двое чеченцев, знакомые мне еще с юности, вывели нас ночью, показали на зарево: «Там ваши, если попадете в другой тейп — вам хана». Мне повезло, что мои товарищи были молодые резкие парни, прошедшие хорошую армейскую школу...

...Под утро пробились к десантникам. Никто не спрашивал, кто такие и как сюда попали. Началась массовая резня русскоязычного населения. И беженцы были повсюду.

Где-то с месяц были как в аду. Не могли никуда вырваться. Наша артиллерия била часто и по духам и по своим. Неразбериха, трусость и мужество — все перемешалось в кучу. С Чечни я вынес величайшую ненависть к Ельцину и его окружению. Нам до этого знакомые чеченцы хвастались, что Москва добровольно передала им все склады с оружием да еще деньгами помогает...

...Ирония судьбы. Через пять лет мой сын воевал в Аргунском ущелье. Ведено, Шатой. Та же неразбериха, тот же бардак. О чем думали 20-летние пацаны, когда ротный сказал: «Ребята, десантники не пропустили Хаттаба, если прорвутся, оставьте по одной гранате, все равно перережут горло». Вернулся сын подорванный, больной. А мне сказал: «Батя, мы их сделали!». Я выбежал в сенцы, заплакал.

Нас загнали в такую нищету, и наши дети еще кровь проливают. Воевали и воюют дети рабочих, крестьян, простых служащих — кто не смог откупиться от армии. Да русские офицеры. Я не помню, как мы добрались до Вышнего Волочка... Жене тогда брякнул: погуляли в Краснодаре.

Потом начал крепко попивать, иногда с супругой. Контузия еще сказалась. Понял, помрем все здесь глупо и бессмысленно. И уехали в Воронежскую область в село, к моим родителям. По инерции покутил и здесь. В селе трезвенник — большая редкость. Взял себя в руки. Жить надо ради детей, ради светлой памяти Нины и Саши. Они моего поведения на том свете никогда бы не простили. Спасли стихи, люблю поэзию с детства. Сам пробовал писать и пишу сейчас. А сейчас столько горечи и злости накопилось — выплеснешь на бумагу, и легче станет. Я знаю, что в этом мире я одинок и подавлен. Точнее, раздавлен ложью, беспределом, ненавистью, всем тем, что происходит в стране...

...Село наше вымирает. Старинное, богатое село. Раньше стариков под 100 лет хватало чуть ли не через двор. А сейчас кому за 70, по пальцам пересчитать можно. Выходят мужики на пенсию — год, два и прямая дорога на кладбище. А оно уже в поле упирается. Да и как выжить?.. Рост цен на промышленные товары опередил на продовольственные в 5 и более раз. Тонна угля стоит около 2000 рублей. Каждую зиму встречаем с ужасом: как протопиться? Вырубаются посадки, сады, молодой лес. Потом опять эрозия почв, овраги. Беднеет чернозем.

О чем думает власть? Да и думает ли она вообще? Смертность превышает рождаемость в 6 раз. После войны с фронта не вернулось 250 ярковцев. Но в классах было по 30 и более детишек. В этом году в первый класс пойдут шесть человек.

Крестьянин надломлен и физически и морально. Техника вся изношена. На местном рыночном пятачке одноразовый суррогат: все рвется, ломается через месяц, а то и раньше. Село практически не отдыхает. Раньше хоть профсоюз выделял путевки, десятками отдыхали на юге. Помню свою молодость: почти в каждом дворе гиря, самодельная боксерская груша. После армии приходили окрепшими, возмужавшими. А сейчас не поймешь, откуда пришли: или из армии, или из концлагеря. Налицо и физическая и умственная деградация сельского населения.

Вот министр образования докладывал Президенту, что в каждую сельскую школу отошлют по 100 томов клас-

сики в толстых переплетах. Господи, да есть в сельских библиотеках классика, пусть в потрепанных переплетах, но есть. Вопрос в другом. Читать не будут. Разучились. Соседский парнишка посмотрел по телевизору «Бригаду», воскликнул: «Вот бы год такой жизнью пожить!».

Смерть в селе воспринимается совершенно равнодушно, как что-то обычное и необходимое. Бандитизм достиг невероятных размахов. Крадут лошадей, скот. Я разговаривал с теми, кто помнит времена после Гражданской и Отечественной. Такого разгула уголовщины не было.

Вот свежие события. В соседском селе один выродок зарубил двух школьниц, что-то не так сказали. В нашем селе фронтовика (воевал с моим отцом) зарезали во дворе собственного дома. Восемнадцать ножевых ран. Не буду писать, какие сроки получили бандиты, Вы и сами догадываетесь. Глубоко убежден: прежде чем лезть в Чечню, надо было со своими отморозками разобраться. Вырастили волчат. Они почуяли вкус крови и безнаказанность. Выход один — отстреливать. Похоже, нашу власть все это устраивает.

О какой нравственности может идти речь? Если раньше девчонку провожали в соседнее село, то поцелуй был величайшей наградой. Сейчас бутылка самогона — и под каждым кустом «любви все возрасты покорны». Село давно потеряло свою общинность, соборность. Утратило свои неповторимые русские качества: духовность, взаимовыручку. Сейчас каждый сам за себя. Читают мало, пьют много. И это не только у нас. Я получаю письма из Сибири и Твери, которые читать нельзя без слез...

...Мне кажется, что мы не осознали, в какое болото вошли и погружаемся. И если когда-нибудь поймем, то содрогнемся от ужаса и боли. Критиковали прошлое — и за дело. Но почему самое светлое, самое заветное в тех проклятых годах? Лучшие песни, лучшие стихи, лучшие друзья?..

...В райцентре открыли новую поликлинику. Шум, гам, целое событие. Козьма Прутков говорил: «Зри в корень!». То есть за какие шиши лечиться будем? А болеет поголовно все село. У 80% мужиков урологические проблемы. Большинство школьников с физическими и умственными отклонениями...

...В этом году село вообще доконали. Мужики почернели от горечи и злости. Растили урожай, а цены на зерно упали в 2—3 раза. Свинину перекупщики скупают у нас по 35 рублей за 1 кг. Причем головы и потроха отдаем бесплатно. Да как же жить? Как можно так издеваться над собственным народом?

Соберемся иногда и говорим: «Зачем сеять?», «Зачем растить скот?». Безысходность поголовная. Вот, мол, оторвались от Сибири и Дальнего Востока. Добраться туда трудно. У нас до райцентра добраться и то проблема. Автобус ходит два раза в неделю и то в одну сторону. А раньше было пять маршрутов.

...Так обидно — такие природные богатства, такой безропотный, трудолюбивый народ, и так бедно живем. За себя не боюсь. Страшно за детей. В какой жестокий мир мы отпускаем их! Иногда заводим с мужиками разговор о старой России. Всего хватало. Но были Строгановы, Демидовы, Морозовы, Третьяковы и другие. Они ведь строили заводы, фабрики, дороги. А наши доморощенные «новые русские» пришли на все готовое. Президент часто говорит об эффективных собственниках. Придут — и заживем, как в раю. Рядом москвичи купили сахарный завод. Отрезали отопление у рабочих, не пожалели ни стариков, ни фронтовиков. После такой «эффективности» до самой весны несли гробы до местного кладбища.

Власть не боится непопулярных мер при проведении реформ в отношении народа. Но почему-то стесняется принять жесткие меры против бандитов, наркодельцов, коррупционеров. Неужели в Москве не видят, что все и везде делается за деньги. На местах чиновники обнаглели до беспредела. И все это под разговоры об укреплении власти. У нас, если кто попался с мешком зерна, найдут сразу, и куда загнал и за сколько пропил. И накрутят на всю катушку. Если украл на миллион, у правосудия большие проблемы...

...Человеку совестливому трудно жить в наше время. Унижает и угнетает собственное бессилие изменить что-то в лучшую сторону для себя и своей семьи...

...Под разговоры о демократии забыли увидеть, как раздавлен, унижен, оскорблен простой человек. Тогда в XIX

и начале XX века за нас было кому заступиться. Никакие шумные преобразования не стоят слез ребенка. Все забыто. Все идет по замкнутому кругу. Или мы не хотим сделать выводов из ошибок своих предков? А может, просто нет яркого политического лидера, способного проявить и мудрость, и осторожность, и в меру жесткость — все, что называется политической волей.

Меня тошнит от этой серости и убогости. Куда мы идем? Куда катимся? Я не нахожу ответа...

Еще раз простите за беспокойство. Это моя исповедь. За столько лет я просто должен был с кем-то поделиться наболевшим.

ИУДА

ПАМЯТИ МАРИИ И АЛЕКСАНДРА

Паря то над землей, то в облаках витая,
Привычно с лица утрем плевков.
Мы, как растерянная, истерзанная стая
На охотничий летим манок.

В России на людей открыт сезон охоты,
Нас убивают молча, хладнокровно.
И на отстрел в верхах установили квоты,
При переборе процедит кто-то злобно:

Немало на Руси живет еще Ваньков.
Подумаешь, не повезло всего двоим...
В ночи услышал я, как плакал Добреньков,
И две звезды упали за селом моим...

Взлететь бы птицей вольной
И край родной прикрыть крылом,
Мне слышать больно
Плач матерей над вымирающим селом.

В пыли у рыжего омета
Усталых вдов чернеют платья.
Взлететь! Я разглядел бы с высоты полета
Того, кто шлет на нас проклятья...

...Народ он звал к вершинам рая
И получал почетные награды,
Но вот сменилась власть другая,
И у него другие взгляды.

Я знал, я говорил, я рад.
Он молится сейчас другому богу.
А впрочем, был бы нужный зад,
Язык его всегда найдет дорогу.

Он дома примерный семьянин,
Ну прямо кладезь доброты и шуток,
С женой почиттелен и мил,
А в камерах бил по щекам валютных проституток.

Любил он деньги, власть
И как политик стал известен.
За это мог и мать, и душу дьяволу продать.
Хоть в этом был немного честен.

Скрипит больничная кровать,
И наш «герой» на ладан дышит.
Он достает заветную тетрадь
И на друзей доносы пишет.

Глупцы! Пойдет ли нам урок сей впрок?
Напрасно от кумира ждали чуда.
Все думали, что он пророк,
А оказалось, что Иуда...

Владимир Брежнев

Воронежская область

Уважаемый господин Добреньков! Несколько раз переписываю эти строчки. 7 августа увидела по телевидению репортаж из зала суда. Вас, Владимир, неутешного отца, и двух убитых горем матерей. Примите мои искренние соболезнования в постигшей вас утрате...

...У меня была единственная дочь 28 лет, которую я растила одна. Приезжие ублюдки убили ее зверски топором за цепочку и простые часики в ее собственной квартире и скрылись...

Я поняла, что вы все, скорбящие по детям, требуете смертную казнь этим четверым отморозкам. Я присоединяю свой голос и крик души за смертную казнь...

Тамара Степановна Мухина

г. Москва

Здравствуйте, уважаемый Владимир Иванович! Пишет Вам из далекой Сибири Ваш тезка Владимир Степанович. Мы с женой узнали о Вашем горе из программы «Независимое расследование» и целиком и полностью поддерживаем вас. Я тоже расстреливал бы этих гадов без суда и следствия. <...> А их правозащитники пусть сами кормят на свои налоги этих убийц и насильников. А мы с женой не хотим содержать на свои налоги приговоренных к пожизненному заключению, тем более что через 20—25 лет их отпустят.

Мы очень сочувствуем Вам, тем более что и у нас такое же горе. 11 марта этого года у нас убили (жестоко) нашу единственную дочь 24-х лет... Я в милиции предупредил всех, что на суде я убью эту тварь. Пусть нашу дочь не вернуть, но я отомщу за нее.

Владимир Иванович, моя жена сейчас плачет о дочери, а я плачу о дочери и о жене. Ведь этот урод исковеркал всю нашу жизнь. Мне больно смотреть на слезы моей жены, и я не знаю чем ей помочь. Она пьет разные лекарства, я ее вожу по разным врачам и бабкам (ходим в церковь), но эту рану ничем не залечить...

Владимир Степанович Мирный

Кемеровская область, г. Юрга

Уважаемый Владимир Иванович! Извините и поверьте, что я в действительности с глубоким чувством неловкости обращаюсь к Вам, потому что как никто понимаю Вас.

Сегодня 355 дней, как погибла Ваша дочь, и 1016 дней со дня гибели моего сына. Горе родителей не высказать никакими словами и не выплакать никакими слезами. Время не лечит. С каждым днем, с каждым часом становится все тяжелее и невыносимее.

Если в датском королевстве сломалось лишь что-то, то в России, очевидно, поломалось буквально все, везде и во всем. И одним из самых страшных результатов деяний «свободной» России, «уверенно шагающей по пути реформ», стала криминализация общества. Преступность захлестнула Россию.

Новый УПК РФ еще более усугубляет положение, так как криминальный мир России за последнее десятилетие стал более жестоким и организованным. Создается впечатление, что Российская Федерация любой ценой, без учета существующих реалий — роста преступности и возможностей борьбы с ней, стремится обеспечить права подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Только как при этом будут сдерживаться незаконные методы защиты, предотвращение злоупотреблений, предоставленных этими правами преступникам? И как выстоять против этого беспредела жертвам преступлений? Как ни парадоксально, но под защитой государства в России находятся не законопослушные граждане, а преступники.

Лидируя в мире по количеству убийств, Россия предоставляет реальную возможность особо опасным для общества лицам свободно разгуливать на свободе либо освобождает их через определенный, зачастую минимальный, срок. Очевидно, они еще не выполнили свою миссию на земле (недостаточно совершили преступлений: убили, ограбили, избили, изнасиловали...). Не пресекает и не отсекает, а наоборот, создает режим наибольшего благоприятствования не только для совершения, но и для рецидивов особо тяжких преступлений.

Уважаемый Владимир Иванович, я понимаю, как Вам тяжело, но я благодарна Вам за Ваше обращение к Пре-

зиденту РФ, за Вашу позицию в вопросах необходимости ужесточения уголовного законодательства. Наказание должно быть адекватно совершенному преступлению. Только когда это будет?

Как можно относиться к рассуждениям о правах человека находящегося в Германии г-на Приставкина, если в России он свою дочь, в целях обеспечения безопасности, вынужден был сопровождать от крыльца до крыльца?

...Как обычно, получила очередной формальный ответ, причем спустя почти 5 месяцев. А к г-же Е.Б. Мизулиной я обращалась еще в апреле 2001 года (письмо от 05.04.2001). Никакого ответа не получила. Г-жа Мизулина не отреагировала на горе и слезы матери, тем более из далекой Сибири.

Не думаю, что позиция г-жи Мизулиной, автора введенного с 01.07.2002 г. УПК РФ, в вопросах института суда присяжных объективна и позволит решить проблемы уголовного судопроизводства и правосудия. Кроме того, согласно ст. 325 УПК РФ, ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей заявляют лишь подсудимые.

Возникает вопрос, почему даже законопослушная Великобритания пришла к необходимости постепенного введения ограничения деятельности суда присяжных? (Российская газета. 2002. 18 дек. № 237(3105)).

Англичане создали у себя Организацию жертв преступлений, а ведь у них количество убийств на 100 тысяч населения составляет 0,9, в России — 30,4. Весь мир, кроме России, 22 февраля считает Днем поддержки жертв преступлений. Если по официальным данным за 2001 год жертвами преступлений признаны более двух миллионов граждан, то с начала перестройки счет идет на десятки миллионов. В докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в России приведены ужасные сведения: «По данным независимых экспертов, в 2001 году от преступлений пострадали более 38 миллионов россиян». Это уже не проблема, это катастрофа. Идет уничтожение генофонда нации.

Комиссий по правам человека в регионах либо вообще нет, либо они не работают. Зато везде созданы и разверну-

ли свою деятельность комиссии по помилованию. Было бы справедливо, чтобы данные комиссии прошения осужденных, совершивших самые тяжкие преступления — убийства, не принимали без извещения соответствующими органами об этом потерпевшего. И было бы объективно предоставить право потерпевшему ознакомиться с прошением и подать в установленный срок протест на прошение убийцы.

Конечно, мы ничего изменить не можем. Наша участь и наше положение, в том числе и процессуальное, ужасно и мучительно. Единственное, что нам осталось и что мы должны, как бы ни было тяжело, делать в память о наших погибших детях — добиваться правосудия, даже на пределе или сверх пределов человеческих возможностей. Извините, я задела незаживающую рану.

Валентина Алексеевна Круглова

г. Омск-92

Здравствуйте, уважаемый Владимир Иванович! Вы очень удивитесь, получив мое письмо. Но я не знаю, к кому мне еще обратиться. 25 марта я смотрела по телевизору передачу «Независимое расследование». Простите, что я напоминаю Вам о Вашей трагедии. Дело в том, что 17 февраля 2001 года возле самого моего дома была убита моя доченька. Ей был 21 год. Убил ее один из «новых русских». Городок у нас небольшой, практически все друг друга знают. Доченька пошла с подругой прогуляться. Домой ее подвозил этот «новый русский». И то ли он не хотел ее выпускать из машины и она выпрыгивала на ходу, то ли он остановился и сразу же рванул машину, доченька зацепилась ручкой от сумки за ручку машины и он протянул ее метров 70 по дороге. Вся дорога была в крови. Я видела свою доченьку лежащей убитой на дороге, это просто не высказать.

Я вырастила ее одна без мужа. Это произошло в 12 часов ночи. Он спокойно отцепил ее и бросил на дороге. Я по-

стоянно вижу ее, лежащую на дороге, как закрою глаза — она предо мной. Я больше не могу, а мне еще приходится каждый день ходить по этой дороге.

Все знают кто, ее убил, но у него в милиции все друзья-товарищи. Милиция вся у него подкуплена, и дело замяли. Я писала жалобу на них районному прокурору, но он на мои жалобы не реагирует. Писала в областную прокуратуру, они отправляют мои жалобы опять же районному прокурору, а тот молчит и никаких мер не принимает. Ходила по юристам, но они все от меня отмахиваются, так как у меня нет таких денег, чтобы заплатить им. Писала письмо в Генпрокуратуру, но то ли оно не дошло, то ли я неправильно написала адрес. Вот и идет все по замкнутому кругу. Вы правы: жестокость порождает жестокость, и я бы убила убийцу моей доченьки, но я одна, совсем одна...

Галина Петровна Попова

Амурская область, г. Завитинск

Здравствуйте, уважаемый профессор! Владимир Иванович, Вам пишет незнакомый человек Антон Дмитриевич Пала из г. Кызыла Республики Тыва.

В январе месяце текущего года я... увидел по телевидению Ваше выступление. К сожалению, не с начала, но смысл сказанного Вами я понял.

В своем выступлении Вы говорили, что более ста ученых, в том числе Вы, составили «Обращение» к Президенту РФ, в котором настаиваете на отмене моратория на смертную казнь. Естественно, я поддерживаю такое «Обращение». Это и заставило меня написать Вам письмо. Раньше я не мог этого сделать. У меня был тяжелый долгий суд. После суда тоже было очень тяжело. Я глубоко соболезную Вам по поводу убийства Вашей дочери. Теперь, как никто другой, я сочувствую Вам.

Мы жили вдвоем с моей дочерью Полиной. Ей было десять лет, когда не стало мамы. 30 июля 2001 года моя дочь была убита. Ей было 20 лет. Убийство было совершено почти в самом центре города. Убита была моя дочь особо жестоко. У нее были сломаны все ребра по передней поверхности грудной клетки, оторвана шея от головы, разорвана мышца сердца и, как следствие, тампонада сердца, ушиб головного мозга, внутренних органов... Десять смертельных телесных повреждений было нанесено моей девочке. Если по одному человеку, то было бы убито за один раз 10 человек. Множественность других ранений тоже сама по себе могла привести к смерти. Такого даже на войне не бывает. Мы хоронили мою дочь, не открывая ее лица.

Предварительным следствием было установлено, что обвиняемым в особо жестоком убийстве моей дочери является налоговый полицейский Даваа Владислав Викторович, 1974 года рождения. Суд начался 17 января 2002 года. Приговор был вынесен 8 апреля 2002 года. Для меня и моих близких это был очень жестокий суд. У Даваа В.В. было два адвоката. Они постоянно затягивали суд, применяя всяческие ухищрения.

Это убийство — коварное, вероломное, садистское, маниакальное, вандалистское, по-средневековому жестокое, потрясло общественность. Процесс был открытый. Его освещали пресса и телевидение. Сначала суд всячески не допускал прессу. Но журналисты и я доказали суду открытость и гласность в стране. И суд только через достаточно продолжительное время разрешил журналистам присутствовать на процессе. Но журналистам ТВ разрешили снимать процесс в ограниченных ракурсах и всего три раза. Третий раз — в день вынесения приговора. Фотокорреспонденты газет были полностью дискриминированы — их в зал вообще не допустили.

Кто такой Даваа В.В.? В налоговую полицию его приняли по родственным связям. Причем он обманул эту спецслужбу наличием образования, которого на самом деле у него нет (это выяснилось на суде). Служил Даваа в подразделении физической защиты. То есть там, где учат убивать руками и

ногами. Этому он научился. Но против кого? «Самый физически подготовленный в налоговой полиции по РТ» (из характеристики). Рост под два метра, соответствующий вес, с дьявольской силой, пудовыми кулаками, «сорок последним» размером форменных ботинок. Мастер рукопашного боя. Он «одним ударом двух быков собьет с ног».

Физические данные моей девочки и ее убийцы несопоставимы. Моя Полина ростом немного более 160 см, вес 42 кг, тоненькая, хрупкая, воздушная. Полина заведомо была беспомощна перед убийцей Даваа В.В. Предварительным следствием совершено Даваа В.В. особо жестокое убийство моей дочери было квалифицировано по пп. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. То есть п. «в» — убийство «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии...», п. «д» — убийство, «совершенное с особой жестокостью». В приговоре дословно написано: «Судом установлено, что рослый, крепкого телосложения Даваа В.В., имевший явное физическое превосходство над потерпевшей, и по роду службы в налоговой полиции постоянно совершенствовавший свои физические данные...»

Суд сам установил и показывает, что моя дочь была заведомо беспомощна перед Даваа В.В. (Это Даваа сам тоже показывает на допросах.) Тем не менее суд исключает из приговора п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. То есть он сам себе противоречит по этому пункту и тем самым показывает свою необъективность. При вынесении приговора суд учитывает явку с повинной, которую якобы написал убийца Даваа В.В. после того, как двое налоговых полицейских доставили его под конвоем в УВД г. Кызыла. Но фактически явки с повинной не было. Есть только запись о «явке с повинной» в протоколе допроса от 11.08.2001 г. Более того, на судебном рассмотрении убийца отказался от «явки с повинной». Но суд при вынесении приговора почему-то «явку с повинной» учел. К тому же, на дату задержания Даваа уже был подозреваем в совершении убийства и объявлен в розыск. То есть явки с повинной не было не только потому, что Даваа скрылся, и его разыскивали уже более недели.

Руководство МВД поставило в известность руководство налоговой полиции о том, что при появлении Даваа на службе сотрудники МВД должны быть немедленно оповещены и должны отконвоировать последнего в УВД г. Кызыла. Руководство налоговой полиции в ответ на запрос МВД распорядилось отконвоировать Даваа в УВД г. Кызыла своими силами. По закону доставка под конвоем не является явкой с повинной. Государственный обвинитель запрашивал 19 лет лишения свободы. Суд приговорил Даваа В.В. к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. На вынесение судом приговора о наказании с меньшим сроком повлияло зачтение вышеописанной «явки с повинной», которая является недействительной. Даваа В.В. подал кассационную жалобу в Верховный Суд РФ с формулировкой его оправдать...

Я тоже подал кассационную жалобу в Верховный Суд РФ о чрезмерной мягкости наказания.

Уважаемый профессор! За время, прошедшее после особо жестокого убийства моей дочери, я встретил очень много людей, которые считают необходимым отмену моратория на смертную казнь. Я их понимаю и поддерживаю...

Антон Дмитриевич Пала

Республика Тыва, г. Кызыл

Уважаемый Владимир Иванович! Пишет Вам Гребенщикова Вера Владимировна. Я работаю в «Роспечати» в киоске — продавцом на протяжении 15 лет. Все газеты я прочитываю. В четверг 31 января я прочитала газету «Труд-7». Читала и плакала: зверски убили Вашу дочь Машу и Александра Панакова.

Я тоже за — за смертную казнь!!! Моего сына Сережу тоже убили, уже прошло 7 лет, как нет моего сыночка. Сережа родился в 1962 году, 6 февраля у него день рождения, было

бы уже 40 лет. А у Вас 6 февраля исполнится 40 дней. Я присоединяюсь, соболезную — Вам, вместе с Вами.

За это время их не нашли, гуляют, живут, жируют. Я б сама их в зале суда расстреляла. Но их не нашли. Я понимаю Ваше состояние, трудно смириться, что их нет. Такие красивые, молодые, слов не нахожу. Я тоже плачу, до сих пор вспоминаю, комната вся в его фотографиях...

...Я вместе с Вами буду оплакивать наших детей 6 февраля. Буду ходить в церковь и на кладбище. Буду всегда помнить Машу и Сашу и ставить свечку за них...

Вера Владимировна Гребеницкова

г. Воронеж

Здравствуйте, Владимир Иванович! Мы — родители зверски убитого сына Барбашева Андрея. Андрей закончил мореходку в г. Холмске на Сахалине, стал штурманом. Последнее время он был капитаном рыболовецкого судна «Корсар» японской фирмы «Сисафико». В Москве есть представительство этой фирмы. Сын пришел в сентябре 2001 года и обещал приехать к нам на юбилей, так как у нас сразу два юбилея — 5 августа 2001 года 40-летие нашей совместной жизни и 7 ноября нам по 60 лет. Мы мечтали все вместе справить эти даты. Но 5 октября подонки, я даже не могу их звать людьми, убили сына и женщину, которая была с ним. Убивали их зверски, нанесено было 27 ножевых ран — и все это ради денег. Сына мы растили не в роскоши. Всего он добился сам. Остались две дочери. Этим подонкам дали по 3 года строгого режима и 18 лет общего режима. Разве это справедливо? Нет детей, нет нашей опоры. Да разве это срок для них? Один уже подал кассационную жалобу в Верховный Суд. Обижается, что дали ему много. Да была бы моя воля, я бы этих отморозков своими руками задушила. Извините, писать очень тяжело, слезы душат.

*Леонид Петрович Барбашев
Елена Давыдовна Барбашева*

г. Ижевск

Добрый день, Владимир Иванович! Вся страна узнала о Вашем горе — о гибели Вашей дочери Марии. Утрата для Вашей семьи невосполнимая. Хотя прошло уже немало времени, я знаю, как Вам тяжело, и выражаю Вам соболезнование.

Я читал открытое письмо Президенту и видел Ваше выступление по телевидению, когда транслировалось «Независимое расследование» Н.Николаева.

И еще раз смог убедиться, как далеко наше общество от правового, как вольготно себя чувствуют у нас в России преступники и как трудно здесь добиться справедливости их жертвам и близким жертв преступлений. Нас было двое братьев. Оба не пили и не курили. Я любил заниматься физкультурой и спортом, а брат сам по себе, от природы, был крепким.

Он стал инженером, а я, по просьбе родителей, учителем. Родители наши пережили войну и часто говорили нам так: «Относитесь к людям хорошо, и тогда они будут относиться так же к вам». Так мы и поступали. Оба были, как говорится, безотказными.

Когда погиб мой брат, сами понимаете, какой это был шок: погиб молодой, сильный и непьющий мужчина в селе. Его хоронило почти все село. Осталось у него двое маленьких детей. А вот расследование стало сразу «хромать». Хотя мы живем почти напротив районного УВД, нам о пропаже сообщили только через полсуток. И это — ветерану и отличнику МВД! Мой отец прослужил в милиции 25 лет.

Почему? Дело в том, что на берегу речки, как потом рассказывали нам люди, было в тот трагический день много пьяных милиционеров — заканчивалась районная ярмарка. А чуть ниже по течению, на поляне, гуляли-праздновали врачи, так как был день медика. Если они и сами не участвовали в убийстве моего брата, то прекрасно видели, кто и как его убил. Но не вмешались сразу. А когда случилась беда, то, разумеется, правда стала никому не нужна. Ведь среди пьяных людей мой брат был, пожалуй, единственным трезвым. Сначала, как рассказывали люди, его труп, когда он остыл, сбросили в воду, надеясь, что он пойдет ко дну. Но он поплыл по

поверхности; и это увидели люди, стали кричать. Тогда его стали топить моторной лодкой, но и это не помогло. Тогда его подняли в лодку, а саму лодку спрятали. А поздно ночью увезли по речке за 40 км в другой район и там прицепили на перемет к каким-то рыбакам. Все это не могло не осуществляться с ведома местных правоохранительных органов. И врачей.

Они написали, что якобы брат был сильно пьян и утонул. Но это была ложь. Нам пришлось долго добиваться эксгумации. И только после нее, через год, началось расследование по-настоящему. Следователь приехал из другого района, и он, как он нам сообщил, нашел убийц. Это были двое мужчин: один светловолосый, а другой темноволосый. Больше он нам ничего не смог сказать. Виновность должен определить только суд, как он пояснил. И тут начался полнейший произвол краевой прокуратуры. Было приказано не допускать дело до суда, а сдать в прокуратуру. Потому что в деле фигурировала почти вся «элита» местных правоохранительных органов и медиков. Их надо было привлекать к суровой ответственности...

...Передо мной встал вопрос, что делать. Я, христианин, был готов отомстить за своего брата. И если бы я знал точно имена тех, кто его убил, я бы так и поступил. Но я не знал их. И люди, зная, что я мог бы пойти на это, не говорили мне. И не только поэтому. Люди видели всю неблаговидность действий местной милиции, видели всю волокиту и все сопротивление и замыкались в себе. Они боялись, что и их накажут. Особенно, когда несколько очевидцев происшествия неожиданно умерли или погибли странным образом.

Оставались мои родители, пенсионеры, двое маленьких племянников, которым необходима была моя помощь, и моя крестная, старшая сестра матери. И на всех них я не мог просто плюнуть, так как они все нуждались в моей помощи. Я не мог заменить племянникам отца, а родителям их погибшего сына, но я делал все от меня зависящее, чтобы как-то уменьшить горечь утраты...

Василий Алексеевич Клоков

Алтайский край, с. Краснощеково

Уважаемый профессор Добреньков! Прочитал я в газете «Правда России» крик-плач Вашего сердца. Утешить Вас и Вашу семью нечем. И чем дальше во времени, тем больнее...

...Когда меня постигло горе, подобное Вашему, то я рухнул под тяжестью креста, что Господь на меня возложил. Молодой человек, 27 лет, лежал в гробу, и я, его отец, читал над ним псалтырь. Я читал, а у него из глаз текли слезы. Его невеста вытирала их платочком. Сердце мое окаменело, и разум мой помутился. Его друзья-офицеры стояли вокруг и молчали. Никто не утешал, потому как знали, что нет у человека таких слов. Убит в центре России. На Пасху 2000 года, после исповеди и причастия через два часа...

...Над Вашей дочерью... издевались, а Вы им пулю? Смерть от пули легкая. За что им такая благодать? Несправедливо, негуманно. Давайте-ка предадим дело мести в руки Господа. Ибо он сказал: «Мне отмщение и аз воздам». Господь лучше нас сие проделает. Его возможности — не наши!..

Вадим Борисович Феденюков

Омская область, Любинский район, д. Андреевка

Глубоко сочувствую горю людей, потерявших своих детей и внуков. Я сам пережил такую трагедию в 2000 году. 8 ноября 2000 года была убита моя племянница, которая была мне как дочь, поскольку была почти полной сиротой и жила в моей семье. Она была замечательной девушкой — красивой, скромной, работающей. Окончила с отличием медицинское училище. Работала медсестрой в стоматологической клинике и училась в педагогическом университете. Наша семья не относится к «элите» страны, поэтому заявление о пропаже нашей девочки в милиции просто не брали. Их даже не взволновал тот факт, что ее документы были найдены на Мурманском шоссе. Никто не выехал на место обнаружения документов. И лишь после того, как 10 ноября ее труп был случайно обнаружен в лесу и 11 ноября она была опознана нами,

милиция начала «рыть землю»... Выяснилось, что имело место двойное убийство, что вместе с нашей девочкой был убит ее спутник, врач той же поликлиники, что все преступление произошло из-за машины — обычной «семерки». Об убийце известно абсолютно все, но он до сих пор не задержан. Ходит где-то этот ублюдок с наклонностями маньяка-садиста. Кто будет его следующей жертвой?

Нельзя в нашей полудикой стране жить по законам цивилизованных стран. Единственным сдерживающим фактором для разного рода «отморозков» может быть то, что их поставят к «стенке». Как говорили древние римляне, «закон должен быть жесток и страшен для тех, кто хочет его преступить». Надо откровенно признать, что население нашей страны еще «не доросло» до такого уровня сознания, при котором можно вводить мораторий на смертную казнь.

А что касается всяких сроков заключения в нашей стране, то мы все видим, как охраняются тюрьмы и колонии. Где гарантия, что все эти ублюдки, которые с таким трудом сдерживаются нашей милицией, потом не выйдут на свободу по очередной амнистии или просто не сбегут и снова не выйдут на дорогу, улицу или не придут к вам в дом? У нашего населения отняли все — даже право на самооборону. Попробуй, дай сдачи какому-нибудь хулигану — тебя сразу привлекут к ответственности за превышение необходимых мер самообороны. А где она, эта мера? Государство не в силах защитить нас и наших детей от кровавого беспредела криминала. Если оно не может и не хочет этого делать, то тогда пусть даст возможность гражданам самим защищать себя и своих близких.

Константин Казанский

г. Санкт-Петербург

Уважаемый Владимир Иванович! Примите мои искренние и глубокие соболезнования по поводу трагической гибели Вашей дочери. Я знаю человека, который перенес такое

же горе, — 20 сентября 2001 года был убит 19-летний... студент 3 курса экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Зелепугин Денис и его родственница. Мотивы и обстоятельства преступления схожие: трое напали с целью завладеть имуществом. Преступники были задержаны и арестованы спустя 2 месяца... Я сама являюсь матерью и хочу, чтобы правительство обеспечило моему ребенку хоть какие-то гарантии безопасности. Еще раз прошу Вас принять мое глубокое участие в Вашем горе...

Юлия Юрьевна Кожухарова

г. Санкт-Петербург

Уважаемый Владимир Иванович! Я не совсем уверена, что имею право тревожить Вас, но думаю, что Вы поймете, почему я решила связаться с Вами. С Вашей семьей произошло почти то же, что и с моей, только через 9 месяцев. Пожалуйста, прочитайте до конца, я постараюсь изложить все максимально коротко. 10 февраля 2001 года, ровно 2 года назад, во время разбойного нападения с целью ограбления были убиты мой муж и дочь. Мужу было 43 года, дочке — 20 лет. Мы с мужем были женаты с 16 августа 1975 года, т.е. 25,5 лет. Поженились студентами после 1 курса. К окончанию института сыну было 3 года, а через год родилась дочка. Обычная семья, золотые детки, отец, готовый жизнь отдать за семью, да и отдал.

С 1 класса с дочкой учился мальчик, родители жили с нами в одном подъезде, на родительские собрания ходили вместе с его мамой. После окончания школы детская дружба переросла во влюбленность, встречались они полтора года. Он был первым мужчиной в ее жизни, звал ее замуж. Стал своим человеком в нашей семье, так как мы всегда уважали выбор наших детей. Но, как это часто бывает в 18 лет, он

встретил другую девушку, расстались, но дружеские отношения сохранили. Иногда он бывал у нас в гостях, иногда приглашал Дашу на дискотеки или просто поболтать. Собирался жениться на своей девушке, да и дочь моя встретила настоящую взрослую любовь и собиралась замуж после 4 курса института.

А потом этот старый друг пригласил ее на дискотеку, под предлогом переодеться привез ее в свою квартиру, где ее без всяких предварительных разговоров задушили (всего убийц было трое). Он (одноклассник) сам ударил ее сзади пистолетом по голове несколько раз, да так, что рукоятка разлетелась, а потом все трое душили. Она не потеряла сознания сразу, кричала: «Саша, за что?» А когда поняла, что убивают, кричала: «Дайте мне нож, я сама зарежусь»

Затем убийцы приехали за папой, под предлогом, что Дашка попала в больницу и врачи просят привезти кого-то из родителей и документы, увезли его и в гаражах возле больницы убили (13 ножевых). Как я потом узнала, он бился до последнего. Они объявили ему, что Даша у них в заложниках и потребовали назвать код охранной сигнализации. Он вел себя разумно, дал связать руки скотчем, все сказал, что требовали, а когда приказали выйти из машины, все понял, разорвал (!) скотч на руках и пытался сопротивляться, даже смог отобрать нож, но силы были не равными, удар в горло — и все. А уже после смерти этот «почти член семьи» нанес Лене 12 ножевых ударов.

Потом они приехали за мной якобы сменить папу в больнице, и в тех же гаражах, объявив мне, что мои у них в заложниках, потребовали отдать все ценное, что было в доме. Был нож у горла, но страха у меня не было, я же знала это существо с 7 лет, ну запутался парень, потом разберемся, только бы глупостей не натворили. Я сделала все, что они требовали. А мои были уже мертвы. Он звал меня так трогательно «тетя Галя»... Убить не смог, хотя и пытался, так как цель изначально была одна: сначала убить всю семью, потом вынести все из квартиры. К преступлению они готовились 2 месяца, но не решались. Их добыча — 1370 долларов и золотых украшений примерно на 100 ты-

сяч рублей, все, что муж дарил мне за 25 лет семейной жизни. И две жизни...

Леонида нашли почти сразу, Дашутьку мы искали 2 суток. Ее вывезли в заброшенное здание в парке и закидали досками.

На опознания ездил мой сын, ему сейчас 27 лет, его жена. Весь город был в шоке, в нашей квартире дежурили милиционеры, меня охраняли, все местные телеканалы и газеты сообщали об этом. Убийц взяли. Одного через сутки, второго — еще через сутки, а самого главного — через 2 месяца. Его прятал родственник-милиционер, его мать собиралась отправить сыночка в Москву, а затем в Иностранный легион. С нашим делом работали просто замечательные следователи и оперативники. Был суд, затем Верховный Суд. Главный идеолог и вдохновитель этого, бывший одноклассник, получил 25 лет в колонии строгого режима, его помощник — 12 лет, третий умер в тюрьме до окончания следствия.

Как мы выжили, знаем только мы. Мы не имели права ни на что другое. Похоронили своих мужа и дочку, папу и сестру, рядышком под одним крестом. Помню, что когда ехали на кладбище, конца веренице машин не было. Дашутька училась на 4 курсе, была старостой группы, у Лени была масса друзей. Дашутьку мы одели в свадебное платье, фату, моя невестка, девочка 23 года, никого не подпустила к Дашке, сама ее одевала, причесывала. Положили с ней две ее любимые игрушки А Лене — его любимый табак.

Мы и проститься толком-то не смогли, вокруг была охрана с автоматами. Никто не кричал, да и не плакали мы почти, слишком чудовищно было предательство.

А через 5 месяцев мы похоронили Дашиного жениха — Алешу, очень тосковал, каждый день, через день ходил на кладбище, стоя на коленях, читал стихи, не выдержал мальчик. Ему был всего 21 год. И его я не уберегла...

Через день после похорон мы уже работали, первый допрос в прокуратуре длился почти 10 часов, нам надо было во что бы то ни стало найти убийц. И все мы выполнили свой долг. Все убийцы были найдены очень быстро.

Во время следствия много чего было со стороны родителей преступников, адвокатов. Я поняла, что у потерпевших есть только одни обязанности, права все у убийц.

Но все это уже позади. Осталось только одно. Все прошедшее время мне не дает покоя вопрос, почему моя девочка, умница, красавица, всеобщая любимица, ее папа, отец, каких поискать, там, в земле, а их убийцы живы и будут жить? Не родятся Дашкины и Алешины дети, не родятся дети их детей... А они так мечтали сначала о мальчике Данилке, а потом девочке Светланке. И еще, почему я — мама, ничего не заметила, не разглядела в этом предателе монстра, где был материнский инстинкт, почему была так доверчива?

Наверное, я была плохой матерью, плохой женой! Мне иногда говорят: Бог забирает лучших. Неправда, Бог забирает всех, никто не живет вечно! Прошло 2 года. Мы живем. Как — знаем только мы. Я работаю в фирме моего сына, сдала на права и вожу теперь машину. У детей все нормально. Работают, думают о ребенке, живут отдельно, но рядом. У меня с ними прекрасные отношения. Дашутькины одноклассники и бывшие однокурсники звонят, приходят, поздравляют с праздниками, на Дашин день рождения все обязательно собираются у меня. Следователь, который вел наше дело, признался как-то: «Никогда живой Дашку не видел, а снится до сих пор». У него жену тоже Галиной зовут, а дочку — Дашей. Ей всего 5 лет еще.

Но — нет смысла в моей жизни. Хотела взять девочку в детском доме, а как быть со здоровьем, ведь ребенку надо посвятить хотя бы лет 20 жизни. А я в нем (здоровье) не уверена. Все чаще хочется к ним, дочке и мужу, но на это я тоже не имею права, это все равно, что предать своего сына и его жену.

Друзья (настоящие) не оставляют. Почему я пишу Вам? Я внимательно смотрела передачи по телевидению с Вашим участием, знаю, что убийцы Вашей дочки и ее жениха уже осуждены. Что все они получили просто смешные сроки наказания. Знаю, что Вы добиваетесь отмены моратория на смертную казнь. Я внимательно читала Ваше открытое письмо Президенту. Знаете, и Вы, и я даже говорим

одинаково: «Почему моя девочка там, в земле, а ее убийцы живут и будут жить? Чьи дети должны еще погибнуть, прежде чем будет отменен этот чудовищный мораторий?» У меня сложилось твердое убеждение, что серость наступит, что серость планомерно уничтожает все самое светлое в нашей стране. С такими, как мы, не работают психологи, не умеют. Я пыталась обращаться, вот что ответил мне, видимо, замечательный человек: «То, что Вы написали, настолько ошеломило меня, что мне, психотерапевту с 20-летним стажем... нечего Вам написать, нечего, кроме простого человеческого сострадания... Дай Бог Вам терпения и сил вынести все это, все ужасное пусть останется в прошлом, смотрите вперед, гордитесь своим сыном! Пишите мне, всегда с Вами. Буду рад получить от Вас хорошие вести, хоть и представляю, как это сложно...» И все.

А что самое УДИВИТЕЛЬНОЕ, мы с Вами как потерпевшие даже не имеем права знать, где и как отбывают наказание убийцы наших детей!!! Я, мой сын, моя невестка потеряли трех самых близких людей, и мы ни на что не имеем права. Не имеем права хотя бы раз в год приехать в колонию, где находятся преступники, и лично удостовериться, что они именно там. Таковы законы в стране. В областном ГУИНе мне подтвердили отсутствие у нас как потерпевших прав на элементарную информацию о местонахождении убийц нашей семьи.

Я прекрасно осознаю, что поодиночке не пробиться к сознанию представителей наших властных структур, да и не достучаться до души (если она еще есть) нашего Президента. Поэтому и обращаюсь к Вам, в память о наших детях, о нерожденных внуках, давайте попробуем пробить на центральном телевидении программу о необходимости отмены моратория, о необходимости внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс о предоставлении действительно реальных прав потерпевшим, об обязательном оказании квалифицированной психологической помощи. Пусть это будет программа с привлечением квалифицированных специалистов-практиков, но без таких «деятелей», как Ковалев. Человеческих слов у меня для него просто нет.

Есть еще одна важная проблема. Я видела своими глазами, как оперативные работники, следователи после 5–6 часов ползания в буквальном смысле слова по городским свалкам, почти по пояс в снегу в поисках улики и на следственных действиях, не имеют элементарной возможности для отдыха, не могут поесть по-человечески, так как в следственной части областной прокуратуры нет элементарного буфета. Как, имея дело с убийцами и бандитами, получая копейки за свою тяжелейшую работу, остаются настоящими людьми, не продаются и не гнутся. Как теперь модно говорить, у прокуратуры как бюджетной организации всегда не хватает финансирования. Но почему тогда все мы, нормальные работающие люди практически за свой счет содержим убийц наших детей, ведь их всех регулярно кормят, моют, развлекают, охраняют, лечат и в СИЗО, и в колониях именно за счет бюджетных средств. Как любят подчеркивать всякого рода «правозащитники» (всякие Ковалевы, к примеру), сейчас очень много внимания уделяется человеческому содержанию осужденных. У нас в Екатеринбурге, например, осужденные убийцы в колонии разводят крокодилов, обустривают комнаты «психологической разгрузки» (!), ставят спектакли.

Об этом с умилением трубят средства массовой информации. Но никто и никогда не говорит о том, как выжить родственникам погибших, как следователям, этим мальчикам с глазами стариков, возвращаться после работы, после крови, трупов, тупых и циничных убийц, к своим деткам.

Под каждым словом Вашего письма к Президенту я и моя семья готовы поставить свои подписи, только не слышат нас. Но надо, чтобы услышали! Я готова в любой момент выехать куда угодно, встречаться с любыми журналистами, отвечать на любые вопросы: может быть, эти крошечные усилия спасут чью-то жизнь.

О нашей семье съемочная группа цикла «Криминальная Россия» готовит двухсерийный фильм. Режисер — Латий Евгений Александрович. Но в процессе подготовки фильма он получил инфаркт, и пока выпуск задерживается. А мы с Вами должны жить, по крайней мере до тех пор, пока не исчезнут с лица земли убийцы наших детей!

Простите за вторжение в Вашу жизнь, но я, как и Вы, не хочу и не могу молчать! Время не лечит, а от бездействия становится только хуже.

Галина Анатольевна Дедюхина

г. Екатеринбург

Уважаемый Владимир Иванович! Прочитал в «Правде» №137 от 3.12.2002 статью «Зло глумится», и захотелось так же, как и Вам, спросить: «Почему отнята жизнь моей дочери Анны, 20 лет, уверенной, что жизнь ее будет долгой и счастливой (так нагадала цыганка за месяц до ее гибели)?». Но ее нет с нами, и теперь она с нами будет в памяти, пока мы живы.

В ночь с 3 на 4 ноября 2001 года она пошла в ночной клуб «Карабас» г. Екатеринбурга вместе с другом. Друга вывели охранники в 4 часа утра (так сказал друг). И с этого дня до 22 апреля 2002 года она считалась без вести пропавшей. В мой дом пришла беда. Я обивал пороги многих инстанций, писал письма, но люди в погонах были глухи к нашей беде. Спустя 10 дней после подачи заявления дело, с пометкой «Архив», было спрятано. Только после вмешательства Президента было возбуждено уголовное дело, т.е. спустя 80 дней после подачи заявления. Но и после этого (городская прокуратура подлежала расформированию) никто всерьез розыском убийц моей дочери не занимался. А я в этот период ездил по городу и расклеивал листовки о моей дочери Анне. А вся страна, люди готовились к встрече Нового, 2002 года. Часто я останавливал машину и горько плакал.

Где моя дочь, жива ли, кто эти изверги? Почему милиция не ищет мою дочь и бандитов, совершивших зло? Бандиты на свободе, и они могут выбирать себе новую жертву. А жертвой могут быть дети или внуки высокопоставленных чинов. А может, они знают, кто это сделал, и им дана команда замять это дело?

Да, я простой человек, без связей и влияния, и вина моя только в этом. Читаю Ваше обвинительное заключение и думаю, в Ваш дом беда пришла чуть позже моей и то, что Вы говорите, воспринимаю каждой моей клеточкой с болью и пониманием. Но о Вашей беде узнала вся страна. Но главное в том, что Ваших детей стали искать сразу и нашли извергов-убийц Ваших детей. А мою дочь Анну не искал никто. И таких, как я, тысячи-тысячи семей.

Потому что мы простые люди. Я так же, как и Вы, уверен, что этим отморозкам должно быть одно наказание — смерть. Но судьи решили иначе. У судей другое понимание ценности жизни и платы за ее лишение. Им не приходилось страдать так, как Вам, Вашим близким. А может, кто-то из преступников является сыном очень влиятельного человека? Я знаю одно. Судьи выносят очень суровые приговоры даже за незначительные проступки, если они совершены простыми людьми без связей.

Для чего я Вам все это пишу? Может, для того, чтоб сказать, что Вы находитесь в лучшем положении, чем многие тысячи сограждан нашей страны, в дом которых приходит такая беда. И как жить в этой стране, где творится беспредел и власть не намерена что-либо предпринять для защиты жизни людей...

Говорят — время лечит. Но так может сказать тот, кто не испытал потерю своего любимого ребенка. У меня свой дом, любимые жена, старший сын Анатолий и младшая Катюха 17 лет. И все это не позволяет мне упасть от безмерного горя или пойти и наказать виновных. Как они без меня в этом страшном мире? Пока жив, буду молиться, чтоб такая беда пришла в дом тех, кто управляет нами. Решил направить фотографию Анны вместе с бывшим мужем Валерой, убитым на дискотеке в марте 2002 года. Похоронены они на старом кладбище, рядом с церковью, почти рядом друг с другом. Это самое высокое место в городе, куда любили приходить Анна с Валерой, они так верили в счастье, которое непременно ждет их впереди...

Василий Васильевич Аркаев

Свердловская область, г. Реж

Здравствуйте, Владимир Иванович! Не знаю, может, я не очень хорошо поступаю, что пишу Вам, но я Ваш товарищ по несчастью. Я смотрела передачу «Независимое расследование» и решила написать.

Я медсестра, 53 года, муж — пилот 2-А, 57 лет. У нас такое же горе, как и у Вас. 25.10.01 убили, изнасиловали и ограбили нашу доченьку Наточку — 28 лет, она утром ушла на работу, а вечером по дороге домой ее встретили два подонка, два брата, 28 лет и 17 лет. Оба судимы по 2 раза за грабежи, и старшего выпускали все за «хорошее поведение» досрочно, а младшему оба раза «грозили пальчиком», давали условно.

Убили рядом с домом, в 70—80 метрах от милиции. В милиции знали об этих подонках, но ничего не предпринимали, а ведь могло этого убийства и не быть. Оказалось, что за две недели до этого, в 13.10 эти подонки напали на другую девушку, но той чудом удалось вырваться и убежать. Они ее раздели, ограбили, приставляя острый нож, а с другой стороны зазубрины к ушам, говоря «Отдавай серьги, не то с ушамиотрежем», к горлу: «Будешь кричать — зарежем». У этой девушки от страха ноги отнимались. Я теперь все думаю, как же моя доченька терпела все это, какой страх она испытала, бедная девочка, нанесли 24 удара.

Когда первая девушка в милиции оказалась, просидев в коридоре два часа в одном платье, в разорванном, грязном, убегающая, падала в грязь, никто не обращал на нее никакого внимания, ходили сотрудники мимо, посмеивались, ничего не записали, и она уехала. А спустя два дня пошла с мужем подавать заявление. Рассказала, где они, эти подонки, живут, где работают, какой нож у старшего. Рассказывала женщине-следователю, Смертиной, но та только усмехалась, перемигивалась с коллегой, и потерпевшая ушла, дело положили на полочку, пока не случилось убийство. А могли ведь это предотвратить, от этого нам еще горше, что наша милиция «нас бережет». Мы с этим горем ложимся спать, с этим встаем, выбили почву из-под ног. Как жить? Никто не измеряет нашу боль, как нам жить до конца своих дней с этим? Как мы должны объяснить все это своему пятилетнему внуку, он до сих пор ждет маму,

спрячется под стол с ее вещью и сидит, смотрит. Хорошо быть добрым, не испытав боль потери. Хотела бы я видеть добренького Борщова, если б убили его чадо так же, что бы он сказал? Мы с мужем считаем, что подонки, лишившие жизни другого человека, не имеют морального права жить на свете. Суд шел четыре дня. Когда я вошла в зал суда, старший только смотрел тупо на портрет доченьки, а младший начал улыбаться, смотрит и посмеивается. Мой муж, слушая, как они глумились над Наточкой, сидел весь багровый, сжимая кулаки, он готов был их убить на месте. Да, их тоже защищали адвокаты. Осудили их. Старшему дали 23 года + 1 год предыдущей отсидки, а младшему 10 лет. Я вот думаю, за «хорошее поведение» их могут отпустить досрочно, как это делали и раньше. Мы с мужем просили пожизненного заключения обоим подонкам. Да, мы хотим мести и не успокоимся, пока они будут живы. Хорошо в Абхазии — там, если изнасиловал, о тюрьме может только мечтать, жаль, что у нас этого нет.

...Мы полностью с Вами согласны, с Вашим выступлением в передаче. Я тоже хотела писать к Путину, но говорят, что мое послание до него не дойдет.

Крепитесь тоже, дай Вам Бог здоровья. Я Вашу Машеньку тоже в свой поминальник вписала, буду молиться за обеих дочек.

Людмила Григорьевна Климова

г. Пермь

Многоуважаемый Владимир Иванович! Извините меня, пожалуйста, за мое вторжение. Я мать, которая потеряла единственного сына в 1994 году. Сын ушел из дома в 13.45 и больше не вернулся. 12 апреля 1994 года нашли его тело, истерзанное, с выколотыми глазами, 8 ножевых ран, 3 удара в голову, изнасиловали... Мы с Вами остались сиротами по вине бандитов. Убийцу уже отпустили. Дали ему 9,5 года и 3,5

года сняли по амнистии Президента. Отпустили наши местные власти, — мне объясняют.

Я очень и очень внимательно смотрела передачу «Независимое расследование» и слушала все Ваши выступления... Я Вам очень соболезную в связи с гибелью Вашей дочери, Владимир Иванович! Вы задавали вопрос о смертной казни и предлагали провести опрос населения о его отношении к смертной казни. Я бы нашла сотни людей за смертную казнь убийцам. Отняли у нас с Вами детей, а эти паразиты ходят живыми...

...Если бы убили детей у Путина или у какого-либо высокопоставленного Приставкина, то они были бы все за смертную казнь...

Нина Николаевна Елисова

г. Владимир

Добрый день! Пишет Вам учитель средней школы № 2 г. Муром Савина Елена Петровна. Стаж работы 34 года, возраст — 55 лет. Наша семья выражает глубокое соболезнование одному из профессоров Университета и всей его семье по поводу безвременной гибели их дочери и зятя. В программе «Вести» были показаны фотографии этих молодых, красивых, обаятельных, жизнерадостных людей, у которых подонки, нелюди, оборотни отняли жизни. Мы разделяем Вашу боль, простите, очень трудно писать об этом, так как летом у нас тоже убили сына, ему было всего лишь 26 лет. Он отучился в институте города Муром на экономическом факультете, работал на одном из предприятий города, имел семью: жена закончила тот же факультет, их дочке было всего 2 года 10 месяцев. И вот летом, за-светло, в 10-м часу вечера он поехал в гараж ставить машину, и с целью захвата машины ему были нанесены смертельные удары. Десять дней вместе с врачами мы боролись за его жизнь, но, не приходя в сознание, наш сын Андрей умер.

Жизнь для нас, родителей, стала проходить в другом измерении. С потерей сына рухнуло основание нашего семейного уклада, мир перевернулся, начались одни страдания: внучка спрашивает: «А скоро ли папа из командировки придет?» Потом стала спрашивать: «А кто здесь похоронен? Это наше кладбище?» Разве такие вопросы должен задавать трехлетний ребенок родным и близким? Нарушены ее права на счастливое детство! У меня никак не укладывается в голове, что это все: той радости, семейного благополучия, счастья уже никогда больше не будет! Общество потеряло хорошего специалиста, отзывчивого товарища, яркую личность.

Убийца был два раза судим за кражи, один раз — за то, что избил в армии сослуживца. И мы с мужем, а он оперирующий врач-хирург, поддерживаем Вашу инициативу о возобновлении в судопроизводстве смертной казни за особо тяжкие преступления, повлекшие за собой смерть потерпевшего.

Да, смертная казнь, и только смертная казнь! Если нужны подписи, то я обещаю Вам собрать их от жителей нашего города, тем более что мэр нашего города Кауров Петр Алексеевич был застрелен у себя в гараже. В городе пропадают люди, происходят убийства.

Полная безнаказанность и беспредел! А сколько беспризорных детей! Это же потенциальные преступники! Утверждают, что таких беспризорных детей один миллион! И это наша страна! Россия!

Удивительно и возмутительно то, что с экранов центрального телевидения не выскажет свою точку зрения на происходящее ни один из детских писателей! Экран 17 каналов заполнен насилием, убийствами, даже мультфильмы сопряжены с насилием. Наши мультфильмы, воспитывающие доброту, приносящие радость детям, очень редки на экране.

Когда наш Президент В.В. Путин отвечал на вопросы в прямом эфире, я дозвонилась и задала вопрос: «Чем Вы объясните такой разгул преступности? Почему страшно жить в нашей стране? Прошу смертной казни для убийцы!» К сожалению, на свои вопросы я ответа не получила.

Считаем, что безнаказанность, которая процветает в нашем государстве, способствует совершению более жесто-

ких преступлений! Разве можно называть людьми убийц, которые способны на такие злодеяния, какую пользу для общества принесут они, после того, как возвратятся, отсидев? Они только приобретут криминальный профессионализм.

Выражаем искреннюю признательность и материнскую благодарность коллективу профессоров МГУ за решение поддержать своего коллегу, попытаться восстановить справедливость в нашей стране.

Низкий Вам поклон. Вы — лучшие люди нашей страны, и к Вашему мнению должны прислушаться!

Елена Петровна Савина

г. Муром

Здравствуйте, уважаемый Владимир Иванович! Я такой же, как и Вы, несчастный человек, поддерживаю Ваш гражданский поступок и одновременно выражаю Вам, Вашим родным и близким свое глубокое соболезнование в связи с гибелью Вашей дочери и ее жениха. Я так же, как и Вы и Ваши родные и близкие, являюсь жертвой «беспредела», царящего сегодня в России. Моей дочери в прошлом году было 27. Она, как и Ваши дети, никому не сделала ничего плохого. Она закончила Московский литературный институт и нянчила двухлетнюю дочурку, которая теперь каждый день смотрит в окно: ждет маму. Над моей дочерью убийцы так измывались, как не измывались даже фашисты в годы Второй мировой войны. Правоохранительные органы практически сразу вместо решительных действий встали на путь, в лучшем случае, бездействия. Так, Левобережное отделение милиции практически сразу стало отрицать факт выезда наряда милиции на место происшествия, тогда как моя дочь была еще жива (выезд был осуществлен из-за ее крика). Людям же, вызвавшим милицию, объяснили, что в темноте не нашли мою

дочь. И это при том, что от проезжей части до ее тела было море крови. Убийство даже не прошло по ГУВД Москвы, таким образом, нулевой результат в поиске убийств был предопределен практически сразу же местным правоохранительными органами.

В России идет отстрел населения, идет война против своего народа. И поэтому Вы, уважаемый Владимир Иванович, совершенно правы, требуя восстановить для убийц смертную казнь.

Владимир Локишин

г. Москва

Глубокоуважаемый Владимир Иванович! Ваше безмерное горе я приняла близко к сердцу потому, что вот уже более полугода хожу с комком в горле и по той же причине, что у Вас.

Вы вызываете к правительству... обремененным властью труднее быть благородными, справедливыми людьми. Стремление выглядеть благородным, не будучи таковым по сути своей, — это цинизм, но играть в благородство — преступление. Какую позицию займут власти после Ваших призывов — это определит и наше отношение к ним.

Вы правы: мы живем в криминальном государстве, и торжествуют в нем те, кто свободно и безнаказанно распоряжается жизнью человека...

...Только страшно становится при одной мысли, что делают это те, кто должен сознавать ответственность за судьбу России, нашей Родины — в прошлом Великого государства. «Бывали хуже времена, но не было подлее», когда торжествует заговор корысти против совести, интересы против идеалов.

Можем ли мы изменить что-нибудь в стране, даже объединившись? И кто нас объединит — этот очередной Ро-

бин Гуд? Еще Бруно Ясенский предупреждал об опасности равнодушия — так можно ли вывести людей из этого состояния и как?.. Опять бесконечные вопросы...

Нина Михайловна Северикова

г. Москва

Уважаемый Владимир Иванович, здравствуйте! Извините, пожалуйста, за наше вторжение в Вашу жизнь, но я думаю, Вы прочтете наше письмо к Вам, наш крик души.

Мы простая семья, сейчас дожили до пенсионного возраста. Я мать — Татьяна Григорьевна, всю свою трудовую жизнь служила на государственной службе, 35 лет проработав в налоговом органе, муж — Михаил Григорьевич, проработал в архитектурном проектно-бюро проектировщиком.

Жили, работали, родили двоих детей — сына и дочь, построили своими руками дом, получили квартиру, посадили не одно дерево. Все как полагается в этой жизни. Детей старались вырастить честными и добропорядочными.

Сын, 1967 года, вырос, выучился, отслужил нашу советскую армию, получил высшее образование (Нижегородский политехнический) по специальности автомобилестроение.

Дочка Ася, 1976 года, училась хорошо, была аккуратной девочкой, закончила 11 классов, прирабатывала в 10 классе техничкой у папы на работе, закончив школу, сразу пошла работать в налоговую инспекцию ко мне на работу, поступила в финансовый техникум, затем в Нижегородский университет имени Лобачевского на экономический факультет, была уже на IV курсе. И вдруг в один миг этого самого дорогого человека не стало. 23 года — самый прекрасный зрелый возраст.

2 апреля 1999 года без 15 минут двенадцать возвращалась от своего самого дорогого друга (жениха), который не проводил ее (значит, я думаю, не захотел, он ее попросту пре-

дал), за триста метров до дома ее втаскивают в машину и увозят на страшную казнь. Моя девочка боролась очень долго (она почти никогда не болела, была здоровой, могла бы родить очень здоровых детей), они изнасиловали ее, сломали ей нос, все лицо, нанесли ей 7 ножевых ран, и она еще после всего этого встала, а старший подонок со словами «какая живучая попалась», — задушил ее рукой. Два часа ада прошла моя кровинушка, каждую клеточку ее молодого тела терзали эти гады.

Старшим был 29-летний Долинин — бывший мент, младшим — 18-летний Крупин.

Она, конечно, их просила, умоляла ее не трогать, а потом хотя бы оставить в живых, но эта мразь удовлетворялась ее беззащитностью, слабостью, им нравилось унижать и втаптывать в грязь того, кто физически слабее их.

Мы в течение 5 дней не могли ее нигде найти, мой сын стал за эту неделю настоящим следователем, он не спал все дни и ночи, все ее искали. Подняли и областную налоговую полицию, и ОМОН.

Во вторую ночь, с 4 на 5 апреля 1999 года, пропадает вторая девушка — 18-летняя Юлия Зыбина.

В этой трагедии помогли девочки, которые услышали крик Юли из машины. Они-то и увидели эту страшную машину, запомнив номер и цвет.

Асеньку мы нашли, когда они сознались на 5-е сутки, на старом аэродроме, они ее закопали в снег, а Юлю — на другом конце города (около кладбища), где теперь и похоронена наша дочь Ася.

В тот год мы оба с отцом полностью посидели за одну ночь, я лежала три месяца, не двигаясь, в обнимку с ее портретом, похудела на 20 кг, ничего почти не ела.

Я до сих пор не верю, что ее нет, все жду ее, что она придет, откроет дверь и скажет «Мама, это я». Поэтому, наверное, я и живу, как бы надеждой. Для меня как бы остановилось время. Мы ходим к ней почти каждую неделю и зимой и летом. Зимой мы постоянно ходим и чистим снег...

...Некоторые люди, которые не испытали ничего, говорят: «Ну, что поделаешь, это — судьба». Да почему судьба

для наших детей должна быть такой, а для этих гадов — жизнь. Нет и нет. Таким преступникам должна быть только смерть. Еще великий Шекспир сказал: «Простить преступление — тоже преступление».

И вот, посмотрев эту передачу «Независимое расследование» Н. Николаева, мы полностью солидарны с Вами, Владимир Иванович.

Да, до наших детей никому нет дела, так как считают, что это не со мной случилось. А вот об убийцах все заботятся, они прекрасно сидят сейчас в тюрьмах, с газетами, телевизором, чистые простыни, их прекрасно кормят, они нигде не работают, не платят нам по решению суда ни за материальный, ни за моральный ущерб. Они вообще ни о чем не думают, на них идет около 25 миллионов долларов в год, на их содержание. Эти бы деньги да на нужные дела, в детские сады, детские дома, беспризорникам, врачам, учителям, пенсионерам.

Этому менту у нас дали в решении суда расстрел, но в связи с мораторием — пожизненное. Сидит в Оренбурге, в новой какой-то тюрьме и если он, как говорили в передаче, через 25 лет может вернуться, у него еще будет шанс и пожить на свободе, как ему надо. А у нас уже, наверное, не будет.

Второму дали всего лишь 10 лет, он сидит в Буреломе, Нижегородской области, рядом совсем, мать с отцом постоянно его кормят, ездят к нему. Так что тоже скоро придет домой к маме и папе.

За ними числится еще и третье убийство. За 2 года до трагедии с Асенькой они убили еще одну 16-летнюю девочку Наташу Лим. И это убийство не было раскрыто до нашей трагедии. Они сознались и в этом. Но на них, говорят, еще очень и очень много убийств. Господи, да неужели возможно такое! Пока они сознались в трех. Вот уже неделя прошла, как за наших девочек собирают подписи за расстрел ЭТИХ ПОДОНКОВ...

Татьяна Григорьевна Газимзянова

Нижегородская область, г. Шахунья